

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

ВЛАДИМИР БУШИН

ЗА РОДИНУ! ЗА СТАЛИНА!

Владимир Бушин

За Родину! За Сталина!

«Алисторус»

2010

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

Бушин В. С.

За Родину! За Сталина! / В. С. Бушин — «Алисторус», 2010

Известнейший литератор и публицист Владимир Сергеевич Бушин попал на фронт осенью 1942 года, в составе 54-й армии прошел от Калуги до Кёнигсберга, принимал участие в войне с японцами в Маньчжурии. Печататься начал еще на фронте, в армейской газете «Разгром врага». Сражаясь на фронтах Великой Отечественной, шел в бой со словами «За Родину! За Сталина!». И сегодня Бушин, как прежде, на передовой. Его публицистика исполнена патриотического пафоса, а перо его можно приравнять к штыку. Правдоискатель, он не обходит стороной такие факты, как мародерство и насилие во время войны, наветы на Сталина и Жукова, мнимые и подлинные подвиги… Эта книга – ответ клеветникам, оболгавшим заслуги народа Победы, ее солдат и полководцев.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

Содержание

Владимир Бушин
За Родину! За Сталина!

Я вышел на трибуну в зал.
Мне зал напоминал войну,
А тишина – ту тишину,
Что обрывает первый залп…
В лицо мне курит первый ряд.
Почувствовав почти ожог,
Шагнув, я начинаю речь.
Ее начало, как прыжок
В атаку, чтоб уже не лечь:
– Россия… Сталин… Сталинград…

Константин Симонов. Митинг в Канаде. 1948 г

Порабощенные народы,
Париж, и Прага, и Белград
Шептали как пароль свободы:
«Россия… Сталин… Сталинград…»

Николай Данилов, участник Сталинградской битвы. Саратовская область, Владыкино. 2003 г.

Воспоминания

Нельзя включить воспоминания,
Как телевизор или свет,—
Тут бесполезны все старания,
Тут никаких рецептов нет.

Они приходят как бы сами.
Законы их сложны, тонки.
Но, уж явясь, идут за нами
Порой до гробовой доски.

Победоносцы и лжецы

Листаю свои потрепанные военные дневники, перечитываю пожелтевшие фронтовые письма… Господи, как все это далеко и как близко, дорого!..

Вот открытка, посланная матери в сентябре 44-го года откуда-то из-под Белостока:

«Дорогая мама!

Как сейчас вспоминаю, тобой в последнее время овладели религиозные чувства, а иконки-то у тебя нет. Вот и посылаю тебе эту открытку с изображением Христа, которую купил в одном польском местечке, в частной лавочке. Молись на нее за дарование скорой победы христолюбивому воинству. Я, милостью божьей, жив и здоров и думаю о скором возвращении домой, то есть о скорой победе. Поздравляю вас всех с успехами Красной Армии и наших союзников. Желаю всем здоровья и бодрости. Да поможет нам бог в нашем правом деле. Целую».

Конечно, тут была и доля игры, но суть – жажда победы – и орфография – подлинные.

Я возвращался после войны домой с Дальнего Востока. Туда после взятия Кенигсберга перебросили нашу часть против Квантунской армии японцев. 5 ноября 45-го года я записал в дневнике: «Сегодня неделя, как мы томимся в 3-м зсп. Прибыли сюда, в Свободный, в прошлое воскресенье. С тех пор валяемся на нарах, изнываем от нетерпенья и ждем отправки эшелона. Зря, конечно, поторопились из Куйбышевки. Во-первых, дольше будем здесь отираться. А главное, если бы задержались на денек, старшина Гончаров привез бы теплые брюки, меховые перчатки и т. д. А вот теперь приходится ехать домой через всю страну в летних брючках и летних портянках. Все обмундирование, что выдают здесь, безобразно.

Безобразия здесь больше чем достаточно даже для запасного полка. Живем очень скученно. Первые дни даже спали на полу… Но венец всего – столовая. Пройти туда и выйти оттуда небезопасно из-за давки в дверях. О пище лучше не говорить… Но все это сглаживается радостью демобилизации. В казарме (человек 350–400), особенно вечером, – шум, гвалт, пьяные песни, хохот, гармошка… Живые ж возвращаемся и с победой!.. Сегодня выдают нам посылки: 10 кг муки, 5 кг риса, 2 кг сахара, сало, консервы, хлеб, сухари. Завтра грузимся в эшелон… Отращиваю усы. Боюсь, как бы Нина меня за них не оттаскала…»

13 ноября уже в пути записал в дневник стихи, в которых слышится отзвук сурковской знаменитой «Землянки»:

Бледным светом мерцает свеча,
Тихо тени дрожат по углам,
А колеса на стыках стучат
«По домам-по домам-по домам…».
От печурки струится тепло,
Замирает от счастья душа.
За морозным оконным стеклом
Проплывает в ночи Уруша.
Спят солдаты, как братья, вповал.
Так спалось ли когда-нибудь вам?..
Каждый честно из них воевал,
А теперь – по домам! по домам!..

14 ноября. Ст. Шипка

Пока едем ничего – в среднем пятьсот километров в сутки. Вчера ночью часа четыре стояли. Говорят, какой-то демобилизуемой связистке приспичило родить, так вот из-за нее и

стояли. Должно быть, на ходу нельзя или акушера искали. Если дальше поедем так же, то 27-го будем в Москве…

21 ноября

После Байкала едем отвратительно. На некоторых станциях стоим по пять часов. Сейчас стоим в Новосибирске. Сходили в баню, пообедали… Итак, до дома осталось не больше недели.

И опять стихи:

Ты всего мне милей и дороже, —
Повторяю, как прежде, теперь.
Если слову мужскому ты верить не можешь,
То солдатскому слову поверь.

На этом мой военный дневник заканчивается.

Вернувшись домой и поступив сперва в Энергетический институт, а потом в Литературный, я – «радостный, крикливый, бесноватый», а порой и голодный – жил стихами и музыкой. Шастал по всем литературным вечерам. Мотался между Тверским бульваром, где Литинститут, консерваторией и Политехническим. Нейгауз!.. Софроницкий!.. Рихтер!..

Прекрасно помню, как всходили звезды Яшина и Наровчатова, Гудзенко и Старшинова, Самойлова и Винокурова… Все фронтовики.

Самойлов тогда сказал о минувшей войне:

Хорошо, что это случилось с нами,
А не с теми, кто помоложе…

Страшная правда этих строк открылась позже. Однажды в Политехническом Гудзенко прочитал:

Мы не от старости умрем —
От старых ран умрем…
Так разливай по кружкам ром,
Трофейный рыжий ром!..

Тогда эти строки запомнились только умом, но не вошли в сердце, переполненное радостью жизни. Однако же не прошло и десяти лет, как их автор и умер от старых ран… Винокуров предрекал «другой вариант»:

Замолкнет сердце вдруг и разорвется
От песен, переполнивших его…

После этого минуло много-много лет. И мы стали умирать уже не только от ран, но и от старости. Из перечисленных поэтов-фронтовиков ушли все. А кто еще топчет траву из тех фронтовых братьев, что спали со мной рядом на нарах в столыпинском вагоне, в ноябре 45-го громыхавшем от Свободного до Москвы?.. Что стало с тем младенцем, из-за рождения которого мы на несколько часов задержались в пути?.. Ушли все маршалы военных лет… Ушли все командующие фронтами и армиями, почти все генералы, почти все фронтовые Герои Советского Союза… Последним командармом Великой Отечественной был дважды Герой Кирилл Семенович Москаленко. Он умер в глубокой старости именно в том самом 85-м, и словно

захлопнулась дверь в страну мужества и верности… Вчера услышал по телевидению, что нас осталось на всю Россию 700 тысяч. Из 11 миллионов, вернувшихся с войны.

А они трусливо, но с великим нетерпением ждали этого часа, чтобы злобно, бесстыдно и свирепо наброситься на нашу Победу, на наши знамена, на наши могилы…

Кто – они? Да ведь всех не перечислишь. Назову одно из последних bundформирований. Киношники. Сами себя они называют – «большая группа людей из России». Полное имя довелось услышать лишь одного из них, самого главного – генерального продюсера: Владимир Львович Синельников. Вот другие: генератор «сценографических идей» Давид Боровский, художник Борис Бланк, звукооператор Брус, кинодиректор Генельфарб… Нет, нет, православные, не суетитесь, есть тут и ваши братья во Христе: режиссер Игорь Шевцов, оператор Свешников, композитор Анатолий Васильев…

Почти все они люди заштатные, безвестные, по строгому счету и малограмотные. А есть хоца! Хорошо бы еще и кусочек славы урвать или хотя бы широкой известности в узком кругу. Вы, конечно, сразу возразите: как это малограмотные? Откуда могли взяться в нашей вчера еще стране сплошной грамотности такие деятели искусства зрелых лет? Нет, они, разумеется, все имеют высшее образование. Но разве вы не замечали, что оно далеко не всем идет на пользу? У иных начисто вышибает от природы, может быть, и неплохие, но жидковатые мозги. И эти люди лезут именно туда, где ни уха ни рыла не смыслят, где они именно малограмотны.

Это можно особенно отчетливо видеть и понять на примере не заштатных фигурантов, а деятелей известных. Вот, допустим, Евгений Киселев. Кто ж не знает балабона! Конечно, имеет высшее образование, окончил то ли институт торговли, то ли пищевой и получил там специальность историка. Историка!.. В молодые годы был преподавателем в Высшей школе КГБ. И там, как уверяет всезнающий ельцинский генерал Александр Коржаков, юный Эжен дал подписку работать тайным агентом названного учреждения, иначе говоря, быть секретным сотрудником КГБ, то есть сексотом-осведомителем. Было это в 1987 году. На неофита завели личное дело, заполнили регистрационную карточку (Коржаков ее воспроизвел в своей книге о Ельцине) и дали ему кличку, как у них заведено. В биографическом справочнике «Кто есть кто в России» о нем пишут с придыханием: «профессионал высокого класса… опытный аналитик… яркая и талантливая личность…» Вполне допускаю, но – разве что на ниве, где Эжен фигурирует под кличкой.

Так вот, жрать «большой группе» ужас как хотца. Что делать? И прослышали они в некий час, что в Англии, может быть, в одной пещере с Салманом Рушди скрывается некий сочинитель отменных побрехушек о Великой Отечественной войне. По национальности он мазепа. Звать Вова, но взял себе имя Viktor, то бишь победитель. Фамилия у него жалкая – Резун, но он назвался именем русского полководца, не знавшего поражений, – Суворов. И получилось не Вова Резун, а Дважды Победитель. Замечательно с точки зрения клинической диагностики!

Внешне Резун ужасно похож на Александра Яковлева, известного академика в особо крупных размерах. Такой же круглорыльцый, лысый, с таким же ласковым взглядом зубастого обитателя Лимпопо, даже очки у них одинаковой формы. Да и по душевному складу, по воззрениям, в частности, на Отечественную войну очень эти млекопитающие схожи. Один мужик вообще уверял меня, что Резун, родившийся в 1947 году, не кто иной, как незаконный сын Яковлева, который в ту пору был чуть ли не завотделом Ярославского обкома и уже тогда позволял себе немало отклонений от марксизма, особенно в командировках…

Этот Резун, будучи нашим разведчиком, бежал в Англию и там насочинял кучу книг. Коротко говоря, в них он объявляет вот что: довоенный Советский Союз и фашистская Германия – одно и то же; Красная Армия и орда немецких оккупантов – одно и то же; Сталин и Гитлер – одно и то же. На некоторые идеи Резуна, как мне кажется, вдохновил именно Яковлев, который, возможно, переписывал с этим висельником или дарил ему свои никому не нужные книги. Поэтому в известном смысле можно, пожалуй, сказать: «Академик и висельник – одно

и то же». Судите сами. В интервью «Московской промышленной газете» мягколобый теоретик перестройки заявил: «Мы проиграли войну». И Резун пишет: «Война закончилась для нас катастрофой». Ну а чтобы катастрофа лучше запомнилась, водрузили над рейхстагом Знамя Победы. Корреспондент спрашивает мягколобого: «В отличие от Черчилля, Жукова, Василевского, Рокоссовского, Штеменко вы не считаете Сталина великим полководцем?» Мягколобый и глазом не моргнул: «Никакой он не великий. Это предатель!» И Резун пишет: «Предатель! Преступник! Надо было вместе с Рузвельтом и Черчиллем посадить его на скамью подсудимых». Но есть у Резуна одна идейка, которую он заимствовал не у академика, а прямехонько у самого Гитлера: Советский Союз – вот те крест! – хотел напасть на маленькую несчастную Германию, и ей ничего не оставалось, как опередить его, ну и погорячились обиженные немцы, не удержались, дошли до Москвы и до Волги.

Вышеназванному Владимиру Львовичу ужасно понравились идеи Резуна, он захотел их распространить на всю страну по телевидению. А когда прочитал у него, что он заочно приговорен к смертной казни через повешение, то просто возликовал. Какой можно закрутить фильм! Главный герой – смертник, да еще с такими новаторскими идеями (об их почти шестидесятилетней свежести он по причине непролазной дремучести, конечно, не знал). И вот – «из мелкой сволочи вербую рать»! А как назвать фильм? Решено: «Последний мир». Изуверский смысл очевиден. Вы считали, старички-ветераны, что построили сверхдержаву. Это миф. Вы были уверены, что живете в самой передовой стране мира. Это миф. Вы думали, что социализм – лучшее устройство общества. Это миф. И так далее. Оставался у вас последний миф: что ваша родина жертва агрессии и что вы – победители. Мы из любви к вам освобождаем вас и от этого мифа. Благодарите нас за то, что мы открыли вам и всему народу глаза…

Правда, вскоре можно было ясно видеть, что Резун просто психически больной. Так, о своем копании в истории Отечественной войны он говорит: «Мне это доставляет такое же наслаждение, как одному моему знакомому вскрывать трупы…» Это как? А еще у него двое детей, мальчик Саша двух лет и шестилетняя Наташа. И вот, сидя перед камерой, он пускается в долгие и обстоятельные рассуждения о том, может ли зарезать свою жену и Сашу с Наташей: «Ну, пожалуйста, перерезал глотку. Кто из нас не перережет глотку своей жене или дочке…» и т. д. Цитировать дальше я не могу из омерзения, а Синельников или кто-то из его наймитов слушает Резуна и не соображает, что перед ним заурядный псих и предатель, что надо срочно вызывать или «Скорую помощь», или «черного ворона». Наоборот! Синельникову еще интересней, он решает, что перед ним необыкновенная трагическая личность, о которой обязательно надо снять фильм, и он будет иметь бешеный успех.

Вскоре обнаружилось, что никакой Резун и не смертник, а всего лишь Эдуард Лимонов однажды сказал ему: «Я бы тебя, гад, расстрелял!» А ведь он уже и сам себя уверил, что смертник, поэтому, конечно, был ужасно раздосадован и даже обижен, когда ему сказали, что мыльный пузырь трагической личности лопнул. Какого имиджа лишили!.. А что касается истории Великой Отечественной войны и событий, предшествовавших ей, то здесь Резун показал себя полным невеждой, фальсификатором и тупицей. Но этого Синельников и весь его кагал знать не могут, ибо они тут и сами ничем не отличаются от своего героя.

Итак, решено сварганить фильм о психопате-антисоветчике из 18 серий. Не хило… Но где взять деньги? Газета «Трибуна» писала: «Деньги на столь странный телепроект выделило Российское телевидение», которое возглавлял тогда Михаил Швыдкой, не за эту ли щедрость вскоре сделанный Путиным министром культуры.

И вот участники Ъundформирования мчатся в далекие страны, берут интервью у разных лиц, лепят свои 18 серий. Антисемиты, уж как водится, обратили внимание на несоразмерно большое участие в фильме опять же евреев: в ФРГ – Лев Копелев, в Иерусалиме – Кузнецов, в Тель-Авиве – Буковский и т. д. Все они, разумеется, антисоветчики, но некоторые из них дошли до того, что провозгласили психа недорезанного гением.

Однако что бы там ни было, а фильм готов. Ожидаются премии и аплодисменты. Но Швыдкой все-таки испугался показать на РТР этот шедевр скудоумия и подлости, он, видимо, опасаясь, что не быть ему тогда министром, как выразился Синельников, пустил творение подонков в свободное плавание. Но тут вдруг выскочил со своим новым доносом Киселев. Оказывается, он ухитрился посмотреть фильм, паскудная идея, естественно, пленила его, и он быстренько спроворил свой шедеврик, в котором «использованы целые куски из 18-серийной эпопеи», как уверяют ее создатели. Шакал у шакала кусок дохлятины утащил. Обворованный шакал помчался было в суд, но вскоре передумал: «Я решил, что это неплохая реклама нашему фильму. Киселев лишь пересказывает в урезанном виде версию Суворова (он, конечно, именно так его величает. – *В. Б.).* А мы анализируем ее…» Они, видите ли, аналитики…

Раскрывать сейчас всю бездну скудоумия, невежества и подлости Резуна и его популяризаторов мы не будем. Пока ограничимся рассказом об обсуждении фильма.

У Резуна и у всей команды Синельникова, конечно же, нашлись почитатели и хвалебщики. Первым следует назвать известного Дейча из «МК» (не путать с Дейчем из ЦРУ и с Дейчером – биографом Троцкого, этот стоит тех двоих). Он начал так: «Представим себе, что после победы над Наполеоном из Парижа возвращается Кутузов…» Дядя, Кутузов же там и не был. Он довел нашу армию до Бунцлау, ныне Болеславец (Польша), и 16 (28) апреля 1813 года скончался в этом городке. А в Париж русские войска вошли 18 (30) марта 1814 года. Все это знает любой московский комсомолец. После такого вклада Дейча в историю Первой Отечественной войны невозможно было то без смеха, то без тошноты слушать его ухищрения в защиту предателей и клеветников Второй Отечественной, например, такого рода: «О предательстве Резуна говорить не приходится… Человек меняется, а не меняются только мертвые и дураки». Нет, мертвые все же меняются – превращаются в прах, а вот дураки действительно не меняются, даже если переходят из одной газеты в другую.

Трижды возникала Новодворская, умом и познаниями сильно превосходящая Дейча. Она знает греческий и латынь. И, видимо, на этом основании заявила: «Я выступаю как военный эксперт». Все офонарели. А она тут же доказала это: «Советский Союз поделил с Германией Белоруссию и Украину». Как это поделил – половину себе, половину ей, что ли? О, так может думать только эксперт запредельной квалификации. А мы полагаем, СССР не поделил, а целиком взял украинские и белорусские земли и объединил их, не дав Германии ни кусочка.

А эксперт прет дальше, стремясь доказать один из главных тезисов Резуна: «Советские войска вели себя на территории Германии так же, как гитлеровские в России. Иначе маршалу Рокоссовскому не пришлось бы издавать приказ о расстреле за мародерство». Тот же дейчевский уровень ума! Сообразить, что следует из факта, который сообщает, она не способна – мозги жиром заплыли. Ведь если командующий фронтом издавал такой приказ, значит, с мародерством боролись на самом высоком уровне и самым решительным образом. А если вы, мадам, объявили себя военной экспертушкой, то назовите хотя бы один подобный приказ немецкого командования. Не можете? Ну а я вам помогу. Вот, например, несколько строк из «Приложения № 2 к инструкции по боевым действиям по плану «Барбаросса» для 4-й танковой группы (генерал Гепнер) от 2 мая 1941 г.»: «Цель этой войны – разгром России, поэтому она должна вестись с небывалой жестокостью. Каждая боевая операция должна вестись с непреклонной волей к беспощадному истреблению противника. В особенности никакой пощады по отношению к представителям русско-большевистской системы». Той самой системы, мадам, которой и вы не даете никакой пощады.

А вот из приказа начальника штаба Верховного главнокомандования Германии генерал-фельдмаршала Кейтеля от 16 сентября 1941 года: «Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в России в большинстве случаев не имеет никакой цены и что устрашающего действия можно достичь лишь с помощью исключительно жестоких мер. Искуплением за жизнь каж-

дого немецкого солдата должна быть казнь 50— 100 коммунистов». Тех самых коммунистов, мадам, в ненависти к которым вы с Чубайсом и Явлинским превзошли Кейтеля.

А знаете ли директиву самого Гитлера о нашей столице? Читайте: «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок – не могли его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Москва и ее окрестности должны быть затоплены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа». Неужели не соображаете, мадам, что ведь это и о ваших родителях говорилось: «будь то мужчина, женщина или ребенок»? А «цивилизованный мир» – тот самый, перед которым сегодня вы пляшете, потрясая своими экспертными телесами.

Приведу еще отрывок из письма Гиммлера от 7 сентября 1943 года Прюцману, главарю СС и полиции оккупированной Украины: «Надо сделать все, чтобы при отступлении с Украины там ни оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни единого грамма зерна, ни метра железнодорожного полотна, чтобы не уцелел ни один дом, не сохранилась ни одна шахта и не было бы ни одного неотравленного колодца». Травить колодцы фашисты могли бы, мадам, вашей слюной.

Но были ли мародерство и насилия, когда Красная Армия вступила на немецкую землю? Да, такие факты могли быть. Я лично знал одного мародера и убийцу очень хорошо: он был моим соседом по лестничной площадке. Это Лев Копелев, которого Владимир Львович счел нужным привлечь к участию в его фильме. Лев Залманович личность известная. Он сидел вместе с Солженицыным, и тот вставил его потом в свой «Круг» в таком виде, что прототипу перестали подавать руку. А дни свои Лев Залманович окончил в ФРГ чуть ли не на другой день после того, как Синельников записал его размышлизмы о войне, которую он наблюдал из Политуправления фронта. Ему удалось прослыть великим гуманистом, другом немецкого народа и знатоком его литературы, ибо он еще задолго до Новодворской и Резуна много говорил о «зверствах Красной Армии в Германии». Прекрасно!

Но вот что сам гуманист и друг народа рассказывает в своей книге «Хранить вечно» (700 страниц с гаком!). Однажды ему поручили поехать на машине во главе небольшой группы в один из уже занятых нашей армией восточнопрусских городов, посмотреть, что там и как. Первый боевой приказ всему личному составу группы майор Копелев отдал тотчас, как только пересекли немецкую границу: «Установив точно по карте линию, – пишет великий друг немцев, – я скомандовал: «Вот здесь Германия. Выходи оправляться!» Трудно допустить, чтобы, скажем, пожилому шоферу принудительная оправка на чужой земле под команду интеллигентного майора пришлась по душе, но уж сам-то майор, почитатель Гёте и Шиллера, сделал это со смаком.

Но вот приехали в город. И что, пошли поговорить с населением? Ничего подобного. Под командованием Копелева занялись мародерством. Он сам «помогал таскать чемоданы, ящики и обсуждал, что привезти в подарок нашему генералу». Дальше: «Меня привлекали книжные шкафы и письменные столы». В одном доме проницательный поклонник Гейне «обнаружил великолепную библиотеку. Часть ее погрузили в кузов». Словом, мародер как мародер, но, конечно, с интеллектуальным уклоном.

В другом доме наткнулись на раненую немку в очень тяжелом состоянии. Что делать? Копелев размышляет: «Начинать перевязывать, искать санитаров, найдешь ли, да и кто согласится…» Как? Неужели из-за пустячных хлопот – их же несколько здоровых мужиков, и у них машина – знаток Лессинга оставит несчастную женщину без помощи? Нет, не оставил. «Сидорыч, пристрели!» – приказал я шоферу… Пристрели… А потом пятьдесят с лишним лет проходил в тираноборцах, человеколюбцах и интеллектуалах, перед самой смертью удостоился даже чести в облике гуманиста попасть в фильм Синельникова, который ныне оплакивает это сокровище. Именно о такой интеллигенции Ленин очень мягко сказал: «Говно!» (Замечу,

кстати, что все подобные заявления Ленин не позволял себе публично, а только в личных письмах, в частных разговорах и т. п.)

Это все, что я могу сказать о мародерах и убийцах среди военнослужащих Красной Армии. А о насильниках – вот запись в моем дневнике за 23 февраля 45-го года.

«Я до сих пор не могу оправиться от чувства омерзения, гадливости, негодования. Часов в пять пришел В. Он сегодня выпил изрядно. Возбужденный, раскрасневшийся. Поболтался здесь, и они с П. вышли. «Пойдем к немкам», – полушутя, полусерьезно сказал В. в дверях. Гончаров, Адаев и я решили проследить за ними. Они зашли в дом к немцам. Дверь оказалась заперта изнутри. Пришлось лезть в окно… Увидев нас, В. и П. смертельно перепугались. А фрау, чуть живая от страха, все нам рассказала. Они сразу протрезвели. О, какая злоба меня взяла! Не дрогнула бы рука разрядить всю обойму в подлецов… Позвали командира роты капитана Ищенко. Он стал расспрашивать их. В. отказывался. Выйдя из себя, капитан двинул ему по роже. Еще и еще раз. Загнал их в другую комнату и бил так, что они летали из угла в угол. Ах, молодец капитан!.. Сейчас они сидят под арестом. Протрезвели окончательно. Парторг Гончаров еще не решил, сообщать ли в политотдел или нет».

Вот так, мадам Новодворская, к насильникам и мародерам относились в Красной Армии на всех уровнях от Ставки Верховного главнокомандования, от командующего фронтом маршала Рокоссовского до командира роты капитана Ищенко, до старшего сержанта парторга Гончарова, до сержанта Бушина. И вы с Резуном, и Киселев с Синельниковым заслуживаете такого же к себе отношения, как мародеры духовные. Жаль, что изо всех я остался один…

А негодяи, подобные Копелеву и моим В. и П., есть в любой армии. Ведь на фронт берут не по «Моральному кодексу строителя коммунизма», а только по двум показателям – возраст и здоровье. Большой знаток истории Второй мировой войны академик А. Орлов очень кстати напомнил мадам в ответ на ее мародерские вопли: только в апреле 1945 года главнокомандующий американскими войсками в Германии генерал Эйзенхауэр приказал расстрелять за изнасилование 69 военнослужащих самой демократической и прогрессивной страны в мире. Что ж взять с лапотной России! Кроме того, надо же принять в расчет и один важнейший аспект душевного состояния немецкого солдата, вторгшегося в Россию, американского солдата, вступившего на немецкую землю, и нашего солдата. У тех осталась за спиной благоденствующая родина, на США вообще за всю войну не упала ни одна бомба, ни один снаряд, а у нашего – ограбленная, истерзанная, голодная, истекающая кровью Россия… Да, находились и у нас мародеры, да, насильники, но были повсеместно и походные кухни, кормившие немецких детей. Были эшелоны продуктов из жившей по карточкам России для жителей Берлина, Лейпцига, Дрездена, в прах разбомбленного англо-американцами только для демонстрации своей силы…

Генерал-майор Ю. А. Бабаян, учившийся в разведакадемии вместе с Резуном, сообщил, что тот в своих книгах заложил более двухсот наших сотрудников, имена которых являются военной тайной. Мародерша Новодворская тут же окрысилась: «Жаль, что двести, а не две тысячи!.. Жаль, что Резун написал лишь несколько книг, надо бы еще шкафа четыре…» И это еще не предел подлости, льющейся на всю страну с экрана. Я не могу их воспроизвести только по соображениям социальной гигиены.

Синельников от имени своей диверсионной группы заявил: «Мы не судьи Резуну». Господь с вами, какие судьи? Вы единомышленники и пропагандисты предателя и его идей. Поэтому, когда артист Гарик Сукачев на обсуждении сказал о Резуне «предатель, сволочь и дерьмо», то это еще в большей мере относится ко всему вашему кагалу. Почему в большей? Да потому, что в отдельно взятую голову может залететь любой вздор, а вы – коллектив, вооруженный мощнейшим средством пропаганды и оклеветавший на весь мир наш народ на его же деньги. Ведь чего стоит хотя бы одно только это заявление, которое вы пустили по белу свету:

«Гуляет по миру мнение, что ни на что не способны эти русские, и воевать-то они не способны. Так и ходить нам всем в дураках, всем, – и детям нашим, и внукам…»

В великий День Победы, от лица всех моих фронтовых товарищей, мертвых и живых, от лица Красной Армии, спасшей мир от фашизма, я обращаюсь к руководителям Государственной думы, ко всем депутатам: вы должны возбудить судебное дело против создателей фильма «Последний миф» и против всех, кто причастен к его показу. Если вы граждане своей страны, если вы настоящие сыны России, если вы просто мужчины – вы сделаете это. Так поступили бы депутаты в любой стране.

Вечная память героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины!

«Завтра», 2000 г., 3 мая, № 17

22 июня, ровно в четыре утра

Он в эту ночь уснуть не может,
Сосед мой, отставной майор.
Та боль его доныне гложет —
Тот гнев горит в нем до сих пор.
А если и вздремнет усталый,
То уж в четыре-то часа,
Как по тревоге запоздалой,
Он вскочит и протрет глаза.
И перед ним опять виденья
Того рассвета, дня того,
Когда свершилось нападенье
На землю милую его.
На пограничном полустанке
Их было горсточка людей,
И через них прорвались танки
На спящих женщин и детей.
Он будто слышал, как граница
Внезапно хрястнула. А он
Мог лишь стонать да материться,
Последний расстреляв патрон.
Ему нет дела до масштаба
Чужой вины и в чем вина.
Просчеты Сталина, Генштаба
Он на себя берет сполна,
Поскольку в том бою неравном
Остановить врага не смог
На направленье самом главном,
Что прямо к сердцу – на восток.
Те танки-псы да бомбовозы
Тогда побили всю братву…
И он сейчас глотает слезы
Да шепчет: «А вот я живу…»
Старик не верил в бога сроду,
Но вот уже в конце пути,
Как богу, молится народу:
– Ведь ты всемилостив, прости…

Коктебель, 1976 г.

Черное и красное

Раздумье между двумя датами

Утром Девятого мая в девять часов, надраивая мелом ордена и медали, чтобы идти к Белорусскому на демонстрацию, включил телевизор, 1-ю программу. Пока ящик разогревался, кряхтел и дергался, я подумал: «Кто там сейчас выскочит? Скорей всего, Даниил Гранин, Григорий Бакланов и покойный Зиновий Гердт в записи». Жду… Первыми появляются покойный Давид Самойлов в записи, а вживе – мой старый друг Бакланов. Кто третий, дождаться я не смог. Так что ошибся не очень. Это и понятно. Ведь именно они, а не кто другой, не только главные страдальцы Второй мировой войны, но и главные герои, главные писатели Великой Отечественной…

Самойлов с непонятной лихостью и восторгом читал стихи:

Война гуляет по России,
А мы такие молодые!..

Война гуляет… Словно «по Дону гуляет казак молодой».

Бакланова я давно не видел. Заметно отяжелел, болезный, но по духу все тот же: строгий, как член Военного трибунала, надутый, как пятикратный лауреат. Хоть бы разочек улыбнулся – ведь праздник же! Нет, и все обличает. Еще в 1990 году в журнале «Знамя», который он тогда многоуспешно возглавлял, в передовой статье по случаю Дня Победы уверенно писал: «Войны этой – и Второй мировой и нашей Отечественной – могло не быть… Но народами правили ничтожные трусливые политики и преступники, и вот это вело к войне». Тут приходит на память то, что говорил Сталин. По воспоминаниям маршала Жукова, когда после капитуляции Германии в Москву приехал генерал Эйзенхауэр, он в беседе с американцем «подчеркивал, что Вторая мировая война явилась результатом крайней ограниченности политических руководителей западных государств, попустительствовавших безудержной агрессии Гитлера». Бакланов, конечно, не хочет обижать западных политиков и, как видим, на одну доску с действительно ничтожными и трусливыми руководителями Англии и Франции – Чемберленом, Галифаксом, Даладье, – с действительным преступником Гитлером поставил и руководителей родной страны, прежде всего Сталина, как у них водится. Примерно то же самое твердил Девятого мая и на этот раз. За десять с лишним лет ничто не поколебало его. Какая духовная мощь и стойкость!.. С восторгом и умилением в душе от полученной инъекции я помчался на демонстрацию, будучи твердо уверен, что ОРТ, посчитав необходимым порадовать народ созерцанием и слушанием Давида Самуиловича и Григория Яковлевича, для показа нашей демонстрации времени не найдет. Так и было…

Капитану Залкинду стыдно за стратега из Овсянки

Раньше говорили: «Никогда так не врут, как перед войной и после охоты». Увы, после войны тоже врут. Да еще как! Причем иные деятели в зависимости от выгоды оголтело врут то в одну сторону, то еще более оголтело – в прямо противоположную. Тут наиболее известная фигура – Виктор Астафьев. Он в эти дни тоже фигурировал на экране телевизора в компании с Васильевым, который Борис Львович.

19 июня 1988 года я записал в дневнике: «Прочитал вчера в «Советской культуре» и «Литературке» за 18 мая отчет о встрече писателей и историков, пишущих о войне. Она состоялась 27–28 апреля. Одно можно сказать: состязание трупоедов. Особое возмущение вызывает

В. Астафьев. Это ужас, что таким самовлюбленным невеждам предоставляют трибуну, и они несут с нее вздор, который печатается в «ЛГ» и «СК» да еще будет в «Вопросах литературы» и «Вопросах истории»… Из-за душившего меня негодования не мог уснуть часов до трех, пришлось принять радедорм. Написать об этом? Но кто сейчас напечатает! А уже и заголовок придумал «Эффект нахрапа».

Чем же особенно уже тогда возмущал ротный телефонист Астафьев?.. Когда-то на страницах «Правды» он писал: «Мы достойно вели себя на войне… Мы и весь наш многострадальный героический народ, на века, на все будущие времена прославивший себя трудом и ратным подвигом». И это была честная правда.

Но как только власть колебнулась и пошло повсеместное охаивание всего прошлого, в том числе и нашей победы в Великой Отечественной войне, тут же в компании волкогоновых, афанасьевых, радзинских вылез со своими лакейскими речами и этот герой. «Мы просто не умели воевать. Мы и закончили войну, не умея воевать… Мы залили своей кровью, завалили врагов своими трупами». Горбачев был очень доволен такими россказнями, и вскоре клеветник получил звание Героя и еще несколько премий, в том числе, разумеется, как тот же Горбачев и Шеварднадзе, иностранных. А уж Ельцин-то так полюбил оборотня, что отмусолил ему хорошие деньжата на собрание сочинений аж в 15 томах. Из советских писателей только у великого Максима Горького больше.

В свое время, когда Астафьев только выскочил со своими открытиями, капитан в отставке А. И. Залкинд спросил его со страниц «Военно-исторического журнала», который тогда редактировал В. Филатов, еще не свихнувшийся на «патриотизме» генерала Власова: «Кто это «мы»? Ведь в числе воевавших «неумех» были Жуков, Рокоссовский, Конев, Говоров, Мерецков. Как могли они, не умея воевать и не совершив чуда, кончить войну в Берлине и Праге? Кто же умел – немцы? Но ведь они не устояли против «неумех». Сочинителю следовало бы в ответ признаться честно: «Я премии страх как люблю и собрания своих сочинений обожаю, особенно ежели в 15 томах. Ну вот и…» Увы, этого сказано не было…

Почему в Ленинграде не состоялась бы читательская конференция о гуманизме Астафьева

Но с еще большей наглядностью Астафьев выказал свою дремучесть в известном заявлении о том, что, мол, надо было не защищать Ленинград, а сдать его на милость победителя. Это как же так? Почему? А потому, говорит, что защита города привела к большим людским потерям. Он, видите ли, гуманист. Но если так, то не надо было защищать и Брест, и Москву, и Одессу, и Киев, и Севастополь, и Сталинград, – это ж все привело к еще большим потерям. И вообще не надо было сопротивляться нашествию и защищать родину. Ведь были тому и вдохновляющие образцы для подражания. Австрия, например, в 1938 году даже приветствовала сквозь слезы немецкую оккупацию; Чехословакия в 1939-м, имея 45 прекрасно вооруженных дивизий, мало того, что не пикнула против 30 дивизий захватчиков, но и в ужасе решительно отказалась от помощи Советского Союза, который согласно договору о дружбе и взаимной помощи уже подтянул свои войска к западной границе. А Дания, потери которой при оккупации составили 2 (два) человека! А Болгария и Румыния, Венгрия и Финляндия, ставшие сателлитами Германии! А Люксембург, наконец! Все они своим примером и взывали к Советскому Союзу: «Смирись, гордая держава! Выкинь белый флаг, великий народ!» Ну почему, негодует гуманист из Овсянки, почему не последовали мы примеру Великого Герцогства Люксембург?! При оккупации не пострадал ни один из его 300 тысяч жителей… Вот ведь диво дивное! Человек был на войне, даже небольшое ранение получил, которое шестьдесят лет к месту и не к месту тычет в нос собеседнику, но так и не понял, против кого воевал, какие цели ставил себе враг. Хоть бы поговорил с теми, кто был в плену, что ли, или в оккупации (но не с Горбаче-

вым же, конечно), хоть бы книжечку какую по истории войны прочитал. Оттуда мог бы узнать, например, что сразу после разгрома Франции Гитлер поведал своему генералитету о намерении ринуться на Советский Союз. В этот день, 31 июля 1940 года, начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер так выразил в своем дневнике суть гитлеровского плана: «Начало операции – май 1941 года. Продолжительность – пять месяцев. Цель – уничтожение жизненной силы России». Это, как говорится, в общем и целом. А когда нападение согласно дотошному плану «Барбаросса» совершилось, Гитлер очень торопил своих генералов с быстрейшим выполнением конкретных его частей. С этой целью 21 июля, через месяц после начала войны, он нагрянул в штаб генерал-фельдмаршала Лееба, командовавшего армейской группой «Север», и потребовал у него немедленного взятия Ленинграда. В связи с этим в военном дневнике Верховного главнокомандования вермахта было записано: «Фюрер указал на следующие моменты: «Необходимо возможно скорее овладеть Ленинградом…» Это зачем же? С какой целью? Может, для того, чтобы в Таврическом дворце провести общегородскую читательскую конференцию на тему «Виктор Астафьев как гуманист»? Нет, цель имелась в виду несколько иная: «Дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет подорван, а с падением Ленинграда может наступить полная катастрофа». Широко мыслили, далеко глядели гитлеровские генералы… А какая судьба ждала город в случае его взятия? И тут все они распланировали. Еще 8 июля тот же Гальдер в дневнике записал: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом вынуждены будем кормить в течение зимы… Это будет «народное бедствие», которое лишит центров не только большевизм, но московитов вообще». Примечательно, что Гитлер и его генерал, в отличие от иных наших белоснежных патриотов, не делал различия между большевиками и «московитами». А понимает ли Астафьев, что значит «полностью избавиться»? Едва ли. А это значит вот что: уничтожить всех жителей города, в том числе и всех читателей тоже. Так что конференция в Таврическом дворце, увы, не могла состояться. Выходит, Ленинград надо было защищать во что бы то ни стало.

И ведь все это – дремучесть не только ума, но и сердца. Затевая разговоры о том, что добровольная сдача города сохранила бы жизнь тысячам ленинградцев, гуманист-телефонист сует жирные персты в затянувшиеся раны, теребит старую боль оставшихся в живых стариков, а также детей и внуков погибших. Ведь наверняка кто-то из них подумает: «А может, и правда? Ведь Астафьев-то был на войне, ему там левый глаз чуть не вырвали, он известнейший писатель, лауреат-разлауреат, пятнадцать томов сочинений, как у Ромена Роллана… Не может такой человек быть олухом и садистом». О, среди человеков еще не то случается.

Один из тех 42-х

Писатель Приставкин вроде бы не протестовал против защиты Ленинграда, но недавно я где-то слышал, что он объявил: «Ленинградцы голодали, а Жданов топил печку сливочным маслом». Я не поверил, что он мог такое сморозить. Вроде бы нормальный же человек: жена, две дочери, сам машину водит… Но вот – мы соседи – встретил его на улице накануне дня ельцинской независимости России от Крыма и спрашиваю: «Анатолий, вы действительно это сказали?» – «Да, – отвечает он гордо в присутствии дочери-подростка. – Об этом и документы есть». Документы? Какого ж именно рода? Уж не личная ли расписка? Такая, допустим:

«Я, секретарь ЦК ВКП(б), член Военного совета Ленинградского фронта генерал-полковник А. А. Жданов, по распоряжению Верховного главнокомандующего получил на фронтовом продуктовом складе два пуда вологодского масла и три пуда докторской колбасы для отопления своей квартиры.

В чем и подписуюсь – А. Жданов.

17 октября 1942 г.».

А 17 октября как раз день рождения Приставкина, что придает документу особую весомость. В дополнение к нему я предложил соседу провести следственный эксперимент: купить килограмма три вологодского и бросить его вместо дровишек в камин, интересно, каков будет отопительный эффект? Я мог бы и расходы взять на себя. Но сосед почему-то не отозвался… А вечером в тот же день Приставкин возник на телеэкране. Рассказывал о делах Комиссии по помилованию при президенте, которой он уже много лет непререкаемо руководит. И что я услышал! Оказывается, и там преобладают представители все того же пассионарного племени. Но еще удивительней – членом Комиссии был Окуджава! Человек, публично заявивший, что он с наслаждением любовался расстрелом Дома Советов, решал вопрос о помиловании…

Тут я не выдержал и заглянул в сочинение некой О. Б. Кушлиной о Приставкине. Она пишет: «Его ранняя проза выполняла «социальный заказ» времени, находясь в русле того направления, которое поощрялось официозом». Что такое? Официоз – это орган печати, который выражает точку зрения правительства, но не является его официальным органом, то есть это как бы *полу*официальный орган, подобно тому как ариозо – как бы *полуария.* Почему же Кушлина пишет о полуофициальном поощрении? Да, видно, она просто не всегда понимает смысл употребляемых слов… Но читаю дальше: «С самого начала перестройки Приставкин становится активным борцом за гласность и новую концепцию гуманизма». Ах, вот оно что! Перед нами активный борец, неутомимый глашатай нового ельцинского гуманизма, при котором народ ежегодно вымирает по миллиону. Тогда понятно, почему он взял в свою Комиссию не только Льва Разгона – ежовского собутыльника, отпетого лжеца, человека, сперва в своем кругу, а потом в печати ликовавшего при известии о смерти своих неприятелей, но и Булата Окуджаву, для которого видеть массовое убийство несимпатичных ему соотечественников – наслаждение. Вполне закономерно и то, что имя самого Приставкина стояло в одном ряду с красивыми именами Разгона и Окуджавы под тем навеки не смываемым воззванием к властям, которое было напечатано в «Известиях» 5 октября 1993 года под заголовком «Писатели требуют от правительства решительных действий». Крови, пролитой 3 октября в Останкино, а 4 октября в Доме Советов и около, этим эстетам было мало, они тотчас потребовали еще и еще: «Хватит говорить… Пора научиться действовать… Эти тупые негодяи уважают только силу… Хватит!.. Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были сделать давно»… Воззвание подписали 42 литературные особи. Горьким утешением может служить только то, что русских среди них лишь 13, в том числе, разумеется, Астафьев, лучший друг ленинградцев.

Лев Толстой о Киселеве

Понятно, что в нынешнее время у стратега Астафьева нашлись последователи. Одним из них оказался, конечно, Евгений Киселев, о котором… писал с присущей ему правдивостью и психологической глубиной еще Лев Толстой… Этот Киселев, будучи изгнан с НТВ, как известно, зацепился зубами за ТВ-6. И там, получая от хозяина 55 тысяч долларов в месяц, от усердия то и дело давая петуха, продолжает прежние пакости. В своей первой после Дня Победы передаче он решил хоть запоздало, но откликнуться на минувший праздник, для чего пригласил в передачу почему-то не Гранина, не Бакланова, не Новодворскую даже, а кинорежиссера Тодоровского Петра Ефимовича, участника войны с 1944 года. Прекрасно. Чем Тодоровский хуже Гранина? Такой же мультилауреат, такой же член ВКП(б) с двадцати лет.

К астафьевской гуманистической теме «Перстом в старые раны» сей Киселев подошел с другого фланга. Тот уверял, что в начале войны не надо было защищать Ленинград, а этот заявил, что в конце ее не надо было с боем брать Берлин. Довод у обоих один: жертвы! Зачем же, говорит, идти на жертвы, если тогда «война была уже практически закончена, Германия

была обречена». Петр Ефимович тотчас подхватил: «Надо было взять осадой или другим способом». Каким другим, неизвестно. Может быть, ельцинским, то есть отключением электричества, воды и канализации, – так он выживал с госдач неугодных чиновников Зорькина, Коржакова, Скуратова… А лучше всего, выходит, осадой, то есть окружить город и ждать, когда немцы сдадутся или сожрут друг друга с голоду. А сколько ждать? Да сколько угодно. Чего спешить? Война-то практически закончена, Германия обречена.

Как интересно! Германия-то действительно была обречена, правда, не только в апреле – мае 45-го, но еще 22 июня 41-го, когда, как признал Гитлер, «немцы распахнули дверь в Россию, но не знали, что за порогом». А за порогом-то почему-то оказались не австрийцы со своим дрожащим Шушнигом (до восьмидесяти лет продрожал!), не чехи с суперинтеллигентным Бенешем, не люксембуржцы со своим блистательным герцогом, а великий народ во главе с великим Сталиным. Сей народ не желал быть рабом и имел для этого силу.

Ведь мудрец Киселев как считает? Война продолжалась 1418 дней, а закончилась 8 мая, Берлин же был взят 2 мая, то есть за 6 дней до безоговорочной капитуляции. А 6 – это 0,5 % от 1418, так что с точки зрения арифметической война тогда действительно «практически закончилась». Зачем же было спешить? Чего было лезть на рожон? Сиди и жди, когда наливное яблочко само упадет тебе на золотое блюдечко… Очень умно! Однако же ведь и немцы, не считаясь ни с какими потерями, страшно спешили взять не только Ленинград, но и Москву. Даже 3 декабря, за два дня до нашего контрудара, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок докладывал Гитлеру: «Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, я не теряю надежды. Еще остается небольшая возможность взять Москву. Все решит последний батальон». Вот как лезли из кожи, вот какая остервенелость – до последнего батальона! А казалось бы, чего суетиться, имея такой грандиозный территориальный успех? Остановись, посиди, выпей чашечку кофе, почитай «Убиты и прокляты» Астафьева, посмотри вдохновляющие киселевские «Итоги», подтяни новые силы, и уж после этого… Нет! Москва требовалась им позарез и немедленно. Да почему же? А потому, прежде всего, что здесь была еще большая, чем при расчете взять Ленинград, надежда сломить «славянский дух», после чего ожидалась «полная катастрофа». Так почему же и мы, штурмуя Берлин, не должны были думать о «тевтонском духе» и скорейшей «полной катастрофе» во имя сбережения многих жизней? Ведь это только теперь нам известно, что война кончилась 8 мая, а тогда никто не мог назвать даты ее завершения. Тут и уместно вспомнить «Войну и мир» Толстого, где один персонаж говорит другому: «Эка врать здоров ты, Киселев, посмотрю я на тебя» (т. 4, ч. 4, гл. 8).

К вопросу о паразитах

Впрочем, речь не только о дате завершения. Иные головы до сих пор потрескивают в размышлениях о самом исходе войны. Вот упоминавшийся Борис Львович Васильев, член КПСС (1952–1989), лауреат Государственной премии и премии им. отца русской демократии Сахарова, автор знаменитых телепередач и одноименной книги «Клуб веселых и находчивых». Да еще и повести «А зори здесь тихие», которая так восхитила и ГлавПУР, и Комитет по Государственным премиям, и Госкино, осыпавших писателя наградами. Еще бы! В этой повести и в поставленном по ней С. И. Ростоцким фильме, после которого он получил звание народного артиста СССР, пять-шесть златокудрых и волооких девиц, до этого стрелявших из винтовки разве что только в тире или на стрельбище, наколошматили в лесном бою гору трупов немецких солдат отборного егерского полка. Да еще при каждом выстреле резво сигая с одного пенька на другой, лихо напевали:

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить!
С нашим атаманом не приходится тужить!..

Девушек, конечно, очень жалко, особенно ту, которую играет пленительная Ольга Остроумова. Иные зрители, как начальник ГлавПУРа генерал Епишев, инда слез не могли сдержать. Вестимо, они, такие красавицы да умницы, едва ли не все погибли. Но какой урон нанесли врагу! Какая победа! Ее коэффициент, должно быть, как у Астафьева советских времен: 10:1 «в нашу пользу».

В эти победно-праздничные дни славы нашего оружия Борис Львович предавался сногсшибательным размышлениям о том, что ведь немцы-то из-за аккуратности своей просто между рук упустили возможность захватить Москву и разгромить Красную Армию. Как так? Да очень просто, говорит. Танкам оставалось полчаса хода до Москвы, вдруг – «кто-то из командующих, кажется Кейтель, объявил положенный техосмотр танков». Представляете, русская столица уже вот она, в руках, а тут приказ: «Глуши моторы! Открывай люки! Вылезай!» По уставу, мол, полагается все проверить – срок настал. Ну, заодно можно в деревенскую баньку сходить, побриться для парада на Красной площади. Известное дело, ведь у немцев все по параграфу… А русские с их безалаберностью и невоспитанностью – что им параграф! – возьми и вдарь со всего плеча как раз в сей момент, когда танкисты в баньках парились. И все рухнуло к едрене фене. И задумался Борис Львович, бывший член КПСС: закономерно ли это?.. А Кейтель, между прочим, никаким командующим не был, он – начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта.

Впрочем, еще за пять лет до размышлизмов о войне Бориса Львовича вышел «Дневник» такого же сорта патриота Нагибина Юрия Наумовича, кавалера ордена Октябрьской Революции, автора более чем тридцати киносценариев, в том числе фильма «Председатель», и множества книг, в том числе «Москва… Как много в этом звуке!». В этом «Дневнике», который его редактор и публикатор, продвинутый философ современности Юрий Кувалдин объявил гениальным, автор чистосердечно признавался: «Я по натуре – типичный паразит» (с. 76). Кто оспорит? Этот самопровозглашенный и общепризнанный паразит признался еще и в том, как он и его друзья ужасно негодовали на Гитлера за то, что у него не нашелся тот самый «последний батальон» для взятия Москвы со всем тем, чего так много в этом «звуке»… Здесь примечательно вот что: ведь паразит совсем не обязательно идиот, скорее, напротив: многие паразиты ужасно сообразительны и хитроумны, например Чубайс. Но в данном случае перед нами факт полного и гармоничного слияния того и другого в одном лице. Действительно, Нагибин, видимо, был идиотски уверен, что Гитлер, захватив Москву, не отправит его с другими евреями в лагерь смерти, а распорядится издать собрание нагибинских сочинений в 15 томах, как Ельцин – Астафьева.

Посильную лепту внесла в эту тему и столетняя Эмма Григорьевна Герштейн. В своих «Мемуарах» (Л., 1998), удостоенных то ли «Букера», то ли «Антибукера», она так изображает прифронтовую Москву: «В женских парикмахерских не хватало места для клиенток, «дамы» выстраивали очередь на тротуарах. Немцы придут – надо прически сделать» (с. 303). Кто же стоял в этих очередях? Есть основание полагать, что только знакомые дамы Нагибина да самой Герштейн…

Бег по дорожке невежества на марафонскую дистанцию

Но вернемся к толстовскому персонажу Киселеву. Ведь он, умник, рассуждает так: Германия повержена, остался один Берлин, и на него прет буром Красная Армия, и во всей стране – никого больше. А между тем ему полезно было бы знать, что, во-первых, для защиты своей столицы немцы стянули 214 дивизий и 14 бригад общей численностью более миллиона солдат и офицеров, множество боевой техники. Гарнизон самого Берлина составлял 200 тысяч войск

да 200 батальонов «фольксштурма». Во-вторых, история войн знает случаи сокрушительной неудачи наступающей армии именно у столицы противника, когда, казалось бы, полная победа уже в кармане. Именно такая неудача, даже гибель, постигла 13 сентября 490 года до нашей эры 20-тысячную армию персов в битве против 11 тысяч греков у деревни Марафон, что всего в сорока верстах от столицы Афин; так произошло 26 августа 1812 года с Великой армией Наполеона, получившей смертельный удар при Бородине под Москвой; так в августе 1920 года случилось и с Красной Армией у стен Варшавы; так было в декабре 1941 года с самими немцами у стен Москвы…

А в апреле – мае 1945 года в связи со смертью 12 апреля Рузвельта у немцев была особая надежда на замешательство среди союзников, на разлад между ними, на сепаратное соглашение с англо-американцами. Да и как не быть таким надеждам, если они вели тайные переговоры с немцами и в 1939 году, и в 1943-м, и в 1945-м… В-третьих, когда началась Берлинская операция, то к северу от него еще две недели продолжала сопротивление мощная группа армий «Висла». В книге «Воспоминания солдата» генерал Гудериан писал о том времени: «Немецкое командование намеревалось нанести мощный контрудар силами группы армий «Висла» с молниеносной быстротой, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или пока не разгадали наших намерений». А к юго-западу от Берлина во время боев за него и позже, до 11 мая, продолжала борьбу не менее мощная группа армий «Центр». Так что наступающая Красная Армия, идя на Берлин, могла ожидать ударов и с севера, и с юга. И добавьте к этому теперь широко известный факт: в те дни Черчилль отдал тайный приказ собирать и хранить оружие разбитых и сдавшихся на западе немецких частей на случай возможного использования его позже этими же частями против Красной Армии. Наконец, надо заметить, что и до Киселева были стратеги, которые, как неподкупный фанатик правды Эд. Поляновский, внушали нам со страниц, например, прогрессивнейших «Известий» то же самое: «Берлин был обречен, войска союзников не собирались его штурмовать, он был наш во всех случаях». Во всех! Даже если бы мы плюнули и повернули обратно в Россию. Но все-таки лучше было сидеть и ждать. Такая уверенность у этого Поляновского, будто он собственной персоной вместе с папочкой Киселева сидел под столом то ли у Рузвельта, то ли у Черчилля, то ли у Эйзенхауэра в штабе союзных войск.

А между тем Трумэн в своей книге «Год решений, 1945» честно признавал, что на Дальнем Востоке американцы, не считаясь с жертвами, хотели прежде нас овладеть Порт-Артуром и Дальним (Дайреном). Ну что такое эти города по сравнению с немецкой столицей! Однако ж… Правда, как и с Берлином, не удалось.

Зачем Киселев не генерал?!

Так вот, 1 апреля 1945 года, именно в тот день и час, когда Поляновский и Киселев-папа сидели у Черчилля под столом, тот писал Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят Австрию. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу…» А ведь незадолго до этого Черчилль говорил совсем другое: «Все наши военные операции осуществляются в весьма незначительных масштабах по сравнению с гигантскими усилиями России». А уж совсем недавно, в январе, когда немцы с силой последнего отчаяния саданули англо-американцев в Арденнах и они без штанов бросились наутек, сэр Уинстон жалобно возопил к Сталину: «Маршал! Спасите!» Однако же в том апрельском письме Рузвельту он, обеспокоенный, как бы русские не задрали нос, продолжал так: «Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять!» Вот какие пироги с капустой и яйцами, Киселев. И ни слова у обожаемого вами Черчилля о

возможных потерях… Что ж, продвигаться на восток союзникам было гораздо легче, чем нам, ибо им противостояли не 214, а только 60 дивизий…

Но это еще не все. Мало ли что замышлял Черчилль. Он же сидел в Лондоне. А что думали, о чем мечтали сами военачальники? В последнем издании воспоминаний Жукова есть такие, не входившие ранее в текст книги строки о его встрече после войны в Москве с генералом Эйзенхауэром: «Много говорилось о Берлине, о последних завершающих операциях. Из всего сказанного Д. Эйзенхауэром можно было понять, что ему пришлось выдержать довольно серьезный нажим У. Черчилля, настаивавшего на захвате союзными войсками Берлина. По словам Д. Эйзенхауэра, его, как Верховного главнокомандующего, мало интересовал Берлин, так как советские войска стояли уже на Одере и находились от Берлина в четыре раза ближе, чем союзные войска: «Мы стремились в первую очередь взять Бремен, Гамбург, Любек, чтобы захватить немецкие порты, а на юге – Южную Баварию, Северную Италию, Западную Австрию… Черчилль категорически возражал против моих планов, считая, что дальнейшие действия союзных войск приобретают сугубо политическое значение… Он все еще требовал захвата Берлина и был не удовлетворен тем, что моими планами не предусматривается взятие Берлина. Черчилль настаивал перед Рузвельтом и Комитетом начальников штабов союзных войск, чтобы мы захватили Берлин раньше русских… Однако все атаки Черчилля в этом направлении были отбиты Вашингтоном, и я действовал в духе ранее принятых решений». Так, по воспоминаниям Жукова, говорил Эйзенхауэр в Москве после войны.

Но во время войны в Германии генерал думал и писал несколько иное. Английскому фельдмаршалу Монтгомери он признавался: «Ясно, что Берлин является главной целью. По-моему, тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызывает сомнения». И прибавлял: «Если у меня будет возможность взять Берлин, я его возьму» (Важнейшие решения. Перев. с английского. М., 1964. С. 318). А у него был для этого не потрепанный «последний батальон», как у фон Бока, а свеженькая почти 3-миллионная армия.

По некоторым данным, 28 марта Эйзенхауэр известил советское командование, что «Берлин не может быть объектом западных союзных армий, так как Красная Армия находится ближе к нему, чем союзные войска» (*Дж. Эрман.* Большая стратегия. М., 1958. С. 134). Однако позже, 7 апреля, он писал председателю Объединенного комитета начальников штабов: «Я первым признаю, что война ведется для достижения политических целей. И если Объединенный комитет решит, что стремление взять Берлин перевешивает чисто военные соображения, то я с радостью пересмотрю мои планы, чтобы осуществить такую операцию» (История внешней политики СССР. 1945–1980. Т. 2. С. 254). С радостью!.. Как видим, позиция американского генерала мало отличалась от страстного желания английского премьера. И трудно себе представить, что «атаки Черчилля» он отбивал так уж решительно, бесстрашно и кровопролитно. В беседах с Жуковым американец явно лукавил, а у того во время работы над воспоминаниями, видно, не дошли руки до соответствующих источников. Впрочем, тут, возможно, сыграло роль и политическое соображение: ведь книга писалась в «эпоху разрядки»… Но при всем желании у союзников ничего не получилось бы с Берлином: были далековато, а русские шли и шли вперед…

Легко можно представить себе Киселева, сидящего без головы в директорском кресле и успешно руководящего каналом ТВ-6. Но представить Великую Отечественную войну без взятия Берлина невозможно. И только этому Киселеву может быть непонятно, как такое блистательное завершение войны усилило нашу позицию на предстоявших мирных переговорах. Без него многое было бы невозможно. Увы, политика иначе не делается… К слову сказать, начальник штаба американской армии генерал Дж. Маршалл, тот самый, который позже придумал «план Маршалла», писал о Берлинской операции: «Хроника этой битвы дает много уроков для всех, кто занимается военным искусством (А ведь Киселев постоянно занимается! Даже

странно, что до сих пор не получил от Березовского звание генерала. – *В. Б.).* Штурм столицы нацистской Германии – одна из самых сложных операций советских войск в ходе Второй мировой войны. Эта операция представляет собой замечательные страницы славы, военной науки и искусства».

Маршал Жуков в плену у генерала Киселева

Однако наши витринные гуманисты опять свое, и уже дуэтом: «Но какие жертвы! Какие потери! Жуков в своей книге назвал цифру: «Взятие Берлина – 300 тысяч загубленных жизней». В какой книге? У Жукова только одна книга – «Воспоминания и размышления». Снимаю с полки ее последнее трехтомное издание, в котором даже восстановлены те места текста, которые не вошли в прежние. Листаю страницы о Берлинской операции. И что ж вы думаете, православные, действительно нахожу слова: «около трехсот тысяч…» Господи помилуй, да неужто хоть на сей раз Киселев не укладывается в характеристику, данную ему Толстым? Вглядываюсь, читаю: «Советские войска в этой завершающей операции понесли большие потери – около трехсот тысяч убитых и раненых». Значит, во-первых, не только убитых, но и раненых, которых, конечно, было гораздо больше, в несколько раз больше, чем убитых. А как показывает медицинская статистика Великой Отечественной войны, 72 % раненых не просто оставались в живых, а возвращались в строй (энциклопедия «Великая Отечественная война». М., 1985. С. 440). Наши врачи творили чудеса. Недаром же 43 военно-медицинских работника стали Героями Советского Союза и свыше 115 тысяч врачей, сестер, санитаров были награждены орденами (там же). Во-вторых, у Жукова речь идет не только о штурме Берлина, а о всей Берлинской операции. Но она началась не у стен фашистской столицы, а еще в 60 километрах от нее 16 апреля и закончилась не взятием города 2 мая, а разгромом и пленением всей миллионной группировки 8 мая… Что ж вы делаете, спекулянты! Книгу-то не читали, а торопливо листая ее, схватили попавшуюся на глаза цифру и – во весь голос на всю страну! Да за одно это Киселева надо бы катапультировать из директорского кресла и заставить вместе с Гинзбургом объявлять погоду на завтра. Впрочем, и тут нет уверенности, что за мзду он не врал бы…

25 мая прочитал в «Комсомольской правде»: Березовский платит Киселеву 55 тысяч долларов в месяц. А еще гребет за свои пещерные фильмы. Вы только подумайте, ведь анекдотическая фигура – и такие деньги! Но – вполне понятно: это же цепной пес, с пеной на губах охраняющий воровскую хазу. А еще больше, что удивило меня в сообщении газеты, так это то, что у Киселева, оказывается, есть жена, может быть, и детки. Нет, не могу я представить себе этот усатый мешок с долларами в объятиях женщины, не в силах вообразить, что такому порождению ельцинизма невинный ребенок говорит: «Папочка, купи мороженое…» Не могу… Киселев – самая типичная фигура эпохи негодяев. Именно для таких режим Ельцина – Путина создал обстановку процветания. Киселев и Сорокина вызывают гораздо более сильное желание катапультировать их, чем Сванидзе и Познер, потому что у них – русские родители.

Кто угодил в ад – Иосиф Бродский или маршал Жуков?

Да, потери в Берлинской операции, естественно, были немалые. Но надо понимать, что у нас в эту пору войны было уже подавляющее превосходство над противником во всем – и численное и качественное, а это, конечно, снижает потери. Против их 1 миллиона с лишним живой силы у нас было 2,5 миллиона, у них 10 400 орудий и минометов, у нас – почти 42 тысячи, у них 1500 танков, у нас – 6250, у них 3300 самолетов, у нас 7500… И потому потери были в несколько раз меньше, чем уверяют спекулянты. И многое делалось для того, чтобы свести их к минимуму. Сталин тогда сказал по телефону Жукову в ответ на его телефонный звонок о том, что хотелось бы больше сберечь людей: «Возьмем ли мы Берлин 2 или 3 мая, это

не имеет большого значения. Я с вами согласен, надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап операции». За время войны и Сталин, и Жуков многократно требовали от подчиненных думать о цене успехов: «Надо жалеть людей…» Это полезно было бы помнить всем, в том числе генерал-полковнику в отставке Ю. М. Бошняку, бывшему начальнику Академии им. Жукова, любящему порассуждать о его жестокости.

Генерал армии В. И. Варенников подарил мне большую, прекрасно изданную книгу «Георгий Жуков. Фотолетопись». Издатели нашли в ней место и для трех стихотворцев, что дорогой Валентин Иванович едва ли заметил. Для каких стихотворцев? Откуда? Да из той же самой упомянутой нами когорты, представители которой красовались Девятого мая на экранах телевизора: Иосиф Бродский, Григорий Поженян, Галина Шергова… И все они об одном – о жестокости Жукова. Первый из них восклицает в стихотворении на смерть маршала:

Сколько он пролил крови солдатской в землю чужую!

Сказано не как о защитнике родины, а как о палаче или агрессоре. Жукову приходилось сражаться за родную страну больше на своей земле, а не на чужой. А при большом желании обвинить в «пролитии крови» можно любого полководца, в том числе самых уважаемых в народе, как, допустим, Кутузов. Это демагогия самого низкого пошиба. Дальше америка-нистый стихотворец задает вопрос: «Что ж, горевал?» И Поженян в своем бессвязном стишке отвечает: «Он солдат не жалел…» Бродский, получив такой ответ, продолжает:

Что он ответит, встретившись в адской области с ними?

То есть с погибшими солдатами. Вы поняли? Стихотворец уверен, что маршал и погибшие солдаты попадут в ад. За что? За то, что спасли Россию. За что же еще! Другого греха за ними не было. Ну, если Жукова – в ад, значит, Гитлера и его генералов – в рай.

Такие же гнусные строки и дальше:

Маршал, поглотит алчная Лета эти слова и твои прахоря…

Нобелевский лауреат решил блеснуть блатным словечком, неуместным и бестактным здесь, но не знает, что надо писать «прохаря» (сапоги). Так вот, Бродский это слово, а Жуков – сапоги. В каком мутном уме все это родилось. А ведь в издании книги принимали участие две старшие дочери маршала. Хорошо хоть, что потуги трех поэтических уроженцев русской земли перечеркнул в книге иностранец Дуглас Орджил: «В самых тяжелых боевых ситуациях Жуков заботился о том, чтобы добиться успеха малой кровью».

А сам маршал дал здесь такой вот содержательный материал для размышления о потерях: «На третий день операции на Халхин-Голе, когда японцы зацепились за высоту Палец и наступление затормозилось, у меня состоялся разговор с командующим фронтовой группой командармом 2-го ранга Штерном. Григорий Михайлович приехал ко мне на КП и стал говорить, что он рекомендует не увлекаться, а остановиться, перегруппировать за два-три дня силы для последующих ударов и только после этого продолжать окружение японцев. Я ему ответил, что война есть война, и на ней не может не быть потерь. Но если мы сейчас из-за этих потерь и сложностей отложим на два-три дня выполнение первоначального замысла, то произойдет одно из двух: или мы не выполним свой план вообще, или выполним с большим промедлением и с еще большими потерями. Из-за нашей нерешительности они могут в десять раз превзойти потери, которые мы несем сейчас, действуя решительно». Мастерство военачальника состоит в нахождении оптимального соотношения между размером потерь и весомостью успеха. Именно о таком мастерстве пишет генерал армии М. А. Гареев в своей книге «Мар-

шал Жуков»: «Несмотря на упорное сопротивление японцев, Жукову удалось блестяще осуществить свой замысел. 6-я японская армия была окружена и уничтожена. Ее потери составили 61 тысячу убитыми, ранеными и пленными. Советские войска потеряли 18,5 тысячи убитыми и ранеными… Японское правительство обратилось с просьбой о прекращении военных действий».

Константин Симонов в своем замечательном военном дневнике на конкретном примере 107-й, впоследствии 5-й Гвардейской краснознаменной городокской стрелковой дивизии, одной из сотен, с цифрами в руках показал, чем в смысле потерь «была война для нас и для немцев в начале и чем стала для нас и для них в конце». Он писал, что, вспоминая историю войны, необходимо сравнивать усилия и жертвы с результатами. Так, по архивным штабным данным, «дорого заплатив в 1941 году за освобождение маленькой Ельни (4200 убитых и раненых), та же самая дивизия в 1945 году при взятии главной немецкой цитадели в Восточной Пруссии – Кенигсберга отдала всего 186 жизней». И писатель особо подчеркивал: «Цифры, которые я привожу, требуют душевной осторожности в обращении с ними, ибо любая самая малая в общей статистике войны цифра потерь все равно означает осиротевшие семьи».

Родина, «Интердевочка» и Чубайс

А с какой позорной для фронтовика развязной небрежностью говорил об этом же Тодоровский: «Мы потеряли 20 миллионов молодых людей. Это слишком большая цифра. Немцы, воюя с 39-го года, потеряли около 7 миллионов». Какая постыдно-пренебрежительная неряшливость во всем, какая ложь. Во-первых, что значит «слишком большая»? Ведь речь шла не о затратах на фильмы «Интердевочка» Петра Тодоровского или на фильм «Катафалк» его сына Валерия и даже не о средствах на подъем «Курска» – вопрос стоял о жизни и смерти народа и государства. Понимаете? О жизни и смерти. Если вам скажут, что вы или кто-то из ваших близких болен раком и на лечение требуется 10 миллионов рублей, не иначе, и время не терпит, промедление – это смерть, а деньги у вас есть, то, что ж, неужели вы будете торговаться и, рискуя жизнью, тянуть время: «Слишком большая цена! А нельзя ли миллиончика за три?., за пять?., за семь?» Нет цены, которая для спасения жизни была бы чрезмерной. Во-вторых, мы потеряли не только молодых, не только тогдашних ровесников Тодоровского, – на фронте были и пятидесятилетние. В-третьих, мы потеряли не 20 миллионов, а 28. Что, можно с чубайсовской людоедской лихостью сбросить 8 миллионов? Помните, как он – об этом писали газеты – заявил одному своему сотруднику? «Чего вы волнуетесь? Ну, вымрут 30 миллионов. Так они ж сами виноваты: не вписались в наши реформы. Не беспокойтесь, русские бабы еще нарожают…» В-четвертых, да неужто вам, фронтовик 44-го года, не приходилось встречать хотя бы такое совершенно в духе Чубайса заявление Геринга, сделанное в ноябре 1941 года: «В этом году в России умрет от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет; ведь некоторые народы необходимо сокращать». Какие народы? Прежде всего русский. И ведь почти довели до 30 миллионов-то, правда, не за один год. Тут уместно заметить, что Чубайс как мыслитель шагает в ногу не только с Герингом, но и с самим Гитлером. Тот в свое время заявил: «Я освобождаю человека от унизительной химеры, называемой совестью». Эту же мысль Чубайс в обращении к единомышленникам по Союзу правых сил выразил лучше, чем Гитлер – короче и энергичней: «Больше наглости!» И среди изысканных хакамад Союза никто ему не возразил. Принято к руководству. Но мало того, сам наш драгоценный президент, обожатель «духовных ценностей», не так давно всенародно изъяснялся в любви к этому выродку.

Гитлеры, Ельцины, Чубайсы приходят и уходят…

А неужто неведомо вам, Тодоровский, старому человеку, что миллионы и миллионы наших национальных потерь – это гражданское население, это псковская деревня Красуха, где в 43-м году немцы заживо сожгли 280 жителей, это белорусская Хатынь, где в том же году немцы сожгли и расстреляли 149 человек, в том числе 75 детей, это украинский Бабий Яр с его Сырецким лагерем смерти, где в 41-м—43-м годах было истреблено больше 100 тысяч украинцев, евреев, русских, это 260 лагерей смерти в одной лишь Белоруссии… Хоть бы о евреях-то вспомнил, Петр Ефимович, если вам с Чубайсом русские миллионы ничто… Неужели вы, фронтовик и создатель фильмов о войне, никогда не задумывались о характере немецких данных относительно наших боевых потерь? Вот вам один примерчик для размышлений. В свое время немцы объявили, а позже их историки да мемуаристы писали, что осенью 1941 года восточнее Киева они взяли в плен 665 тысяч солдат и офицеров Юго-Западного фронта. Но, как известно, к началу – к началу! – операции Юго-Западный фронт имел в своем составе всего 627 тысяч человек. Часть их, конечно, погибла в ходе довольно долгих и упорных боев, часть успела отойти, не попала в окружение, и 150 тысяч вырвались из него. Как видим, к названной первой цифре требуется весьма существенная поправка, а признать ее реальной можно только в том случае, если в число военнопленных немцы включили и мирных жителей, которых угнали в рабство, что делали они постоянно.

Тут же полезно вам сообщить: немецкие историки пишут, что Германия захватила в плен около 5 миллионов советских солдат и офицеров. А после войны вернулись из плена лишь 1836 тысяч. Если первая цифра верна, то где же остальные более 3 миллионов? Когда однажды я с таким вопросом о наших 60 тысячах красноармейцев, попавших в 1920 году под Варшавой в плен к полякам, обратился к Эмилю Кардину, известному знатоку всего на свете, в том числе всех войн, он уверенно и спокойно ответил: «А они натурализовались в Польше». Как легко и просто! Словно речь идет об одном советском еврее, переселившемся в Израиль. Да ведь и евреи не все приживаются там. А тут такая масса русских, и так все столь пламенно полюбили чужую католическую страну, что ни один не пожелал вернуться на родину – к женам, матерям, детям. Так что, Тодоровский, не обращайтесь к универсалу Кардину с вопросом, что стало с нашими пленными в Германии. Лучше разбудите лютые тени Гитлера или Геринга, а всего лучше – Гиммлера. Генерал Гареев в данном случае совершенно верно пишет: «Если бы Красная Армия, придя на немецкую землю, поступала по отношению к мирному населению и военнопленным так же, как фашисты – к советским людям, то соотношение потерь было бы другим, но этого не случилось. И не могло случиться». Почему? Да потому, что Сталин сказал: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством… Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остаются». И сказал он это не после войны, как уверял Ф. Бурлацкий, по собственному определению, мыслитель «сайентистского склада ума», бывший редактор «Литгазеты» и вышедший в тираж знаток Макиавелли, – это Сталин сказал в начале войны, в труднейшую для нас пору, 23 февраля 1942 года, когда немцы были еще в 150 верстах от Москвы. А когда в конце войны, 11 апреля 1945 года, в «Красной звезде» появилась статья Ильи Эренбурга «Хватит!», в которой он изображал Германию единой зловонной клоакой: «Все бегут, все мечутся, все топчут друг друга… Некому капитулировать. Германии нет: есть колоссальная шайка…» – когда такая статейка появилась, она немедленно и решительно была осуждена партией в статье «Товарищ Эренбург упрощает» («Правда», 1945 г., 14 апреля). И вскоре выяснилось, что капитулировать в Германии есть кому. Именно такой позицией партии и правительства, всего народа объясняется тот факт, что из советского плена вернулись в Германию 1 930 000 немцев, – все, кроме тех, что за это время умерли от болезней и ран.

Молодая русская княжна против старого еврейского болтуна

А что стоит, фронтовик Тодоровский, за вашими словами о том, что вот, мол, немцы воевали с 1939 года, а потеряли всего «около семи миллионов»? Запишите: в войне против Польши в 1939 году вермахт потерял 10 600 убитыми и 30 300 ранеными, против Франции и англичан в 1940-м – 27 074 убитых и 111 043 раненых. Таковы потери в двух самых больших агрессиях. Но картина катастрофически изменилась при нападении на Советский Союз. Это вынудило Гитлера в январе 1943 года издать декрет «О всеобщем использовании мужчин и женщин для обороны империи», то есть провести тотальную мобилизацию, охватившую мужчин в возрасте от 16 до 65 лет и женщин от 17 до 45. Некоторые авторы уверяют, что все-таки моложе 17 лет немцы в армию не брали. Но вот что русская княжна Мария Васильчикова, приятельница графа Шуленбурга, работавшая в министерстве иностранных дел Германии, записала 3 мая 1943 года в своем знаменитом «Берлинском дневнике»: «Герберта, пятнадцатилетнего сына Бредовых, призывают в войска противовоздушной обороны». 17 июня: «Д-р Сикс вызвал меня, чтобы обсудить новое иллюстрированное издание. Он просто не понимает, что уже нет возможности издавать журнал с иллюстрациями или без: все, кто для этого необходим, давно мобилизованы». 28 июля: «Геббельс (надо полагать, в осуществление и развитие декрета Гитлера. – *В. Б.)* объявил всеобщую мобилизацию гражданского населения. Он, очевидно, надеется, что, когда призваны все взрослые жители, свержение режима станет невозможным». 31 июля: «В министерстве полный кавардак. Провозглашение «тотальной войны» Геббельсом вселило во всех ужас. Наш отдел информации обязан высвободить 60 процентов персонала: мужчины пойдут на фронт, женщины на военные заводы». Саму княжну тоже из министерства направили работать в госпиталь. 15 февраля 1945 года она записала: «Большинству раненых либо уже за пятьдесят, либо нет и двадцати. В основном это только что призванные». 12 марта: «Не хватает не только гробов: родственники вынуждены сами рыть могилы, так как все могильщики призваны…» Как видим, мели подчистую: от пятнадцатилетних до могильщиков. Это подтверждает и кинохроника: есть известные кадры, где Гитлер идет вдоль строя новобранцев, останавливается, может быть, у того самого пятнадцатилетнего Герберта и похлопывает его по щеке. Уж кто-кто, а кинорежиссер Тодоровский должен бы знать эти кадры и принять в расчет, прежде чем пускаться в рассуждения о немецких потерях. Записи княжны Васильчиковой и смысл кадров кинохроники подтверждаются тем, что писал маршал Жуков о посещении в мае 45-го года одного госпиталя для немцев: «Первое, что мне бросилось в глаза, это то, что большинство раненых были юноши, почти дети, от 15 до 17 лет. Выяснилось, что это фольксштурмовцы из разных отрядов, сформированных в Берлине в начале апреля».

Тодоровский и Гальдер о неразберихе

А еще сидевший дома и в 41-м, и в 42-м, и в 43-м годах Тодоровский сказал: «В сорок первом году на фронте была полная неразбериха. Немцы бежали впереди, а наши шли сзади». В таком юмористическом духе рисует он с чужих слов картину трагических дней, которую сам-то не видел. Неразбериха? Оттуда, из сорок первого года, русскому еврею отвечает немецкий генерал Гальдер: «27 ноября. Наши войска накануне полного истощения материальных и людских сил…» «29 ноября. Войска 2-й танковой армии встречают растущее сопротивление у Каширы. Наши авангарды вынуждены отойти…» «5 декабря. Противник прорвал наш фронт в районе восточнее Калинина… В группе армий «Центр» возникла некоторая неразбериха…» Некоторая… Которая вскоре кончилась разгромом…

Тодоровский: «Я пришел (!) на фронт (словно речь об Одесской киностудии. – *В. Б.)* в 44-м, когда все-таки (!) получалось, то есть (?) смертей хватало (!). Я потерял близкого друга. Я видел много смертей и даже невинно (?) погибших…» Так изъясняется художник. Растолковал бы хоть, что такое на фронте невинно погибшие. А остальные что, виноватые? Перед кем – перед оккупантами, поскольку истребляли их?

А что касается 1944 года, когда «смертей хватало», но кое-что «все-таки получалось», то полезно напомнить Тодоровскому, что же именно тогда получилось. Так вот, была успешно проведена 21 наступательная операция, 10 из которых – крупные, в том числе знаменитая по размаху и эффективности операция «Багратион». В ходе этих операций были окружены и ликвидированы витебская, бобруйская, минская, кишиневская и будапештская группировки врага – одна другой крупнее. Так, восточнее Минска было взято в плен 105 тысяч немцев, в том числе – 12 генералов; в Ясско-Кишиневской операции – 208 тысяч и 25 генералов… В том же году была полностью восстановлена государственная граница, и Красная Армия вступила на территорию Румынии, Польши, Чехословакии, Венгрии, а 17 октября – в Восточной Пруссии перешли границу Германии. Наконец, в том же году, еще в январе – феврале, полностью снята блокада Ленинграда. Вот что у нас «все-таки получалось», а у немцев уже ничего отрадного для них не получалось… Из всего этого следует вывод о полной неразберихе в уме Тодоровского.

Как спасали, спасают и будут спасать рядового Райана

Киселев все никак не может угомониться и с акцентом жителя Оклахомы спрашивает: «А вы смотрели, Петр Ефимович, американский фильм «Спасти рядового Райана»? Ах, какой шедевр!.. Там рассказывается, как ради спасения одного-единственного рядового солдата была проведена целая армейская операция. Вот он, истинный американский гуманизм! И там же все на документальной основе!..» Тодоровскому фильм понравился не шибко, но этот-то блаженный верит, что там все – святая правда… Да что ж это за «армейская операция» на фронте, в которой не погиб ни один человек? А если, как всегда бывает, кто-то погиб, то какой же смысл в таком спасении Райана, даже если бы это был Евгений Рейн – большой поэт, великий переводчик, автор двадцати сценариев, почитатель и друг Иосифа Бродского, воспитанник Ленинградского института холодильной промышленности?

Тодоровский подхватывает, но как-то косноязычно: «Ну, американцы на это… чтобы сохранить свою живую силу…» И дальше – ни слова об американцах. А ведь можно было кое-что еще сказать о том, как американцы всегда и везде стремятся беречь себя за счет других. Генерал Гареев опять прав, свидетельствуя: «Пренебрегая общесоюзническими интересами и исходя исключительно из эгоистических национальных интересов, США вступили в Первую мировую войну лишь в апреле 1917 года, когда исход войны был предопределен» – то есть за полгода до капитуляции Германии. А что было во Вторую? Немцы захватили почти всю Западную Европу, разбили французов, вышвырнули и осатанело бомбили англичан – лучших друзей Америки, их танковые орды рвались к Москве, а ни один американский солдат еще не сделал ни единого выстрела. Почему? А во имя американского гуманизма, ради спасения рядового Райана. И только 8 декабря 1941 года, после того как японцы нанесли страшенный удар по их Тихоокеанскому флоту, они вынуждены были ввязаться в войну… Недавно стало известно, что, оказывается, на другой день после объявления войны Японии президент Рузвельт пригласил нашего посла Литвинова и сказал, что американцы ожидают немедленного вступления в войну и Советского Союза. Поразительный образец чисто американского гуманизма! В те дни, когда фашистская орда стояла у стен нашей столицы, он навязывал нам войну на два фронта! А сами, после бесчисленных обещаний Сталину, отважились открыть Второй фронт в Европе только в июне 1944 года, меньше чем за год до капитуляции Германии. Почему? А чтобы за счет Ивановых, Петровых да Сидоровых спасти рядового Райана. Ну, тогда, в декабре 41-го, Сталин через Молотова и Литвинова должным образом ответил Рузвельту…

А на каком высочайшем гуманистическом уровне закончили американцы войну против Японии! Взяли да сбросили на мирные города две новехонькие атомные бомбочки и отправили на тот свет, искалечили сотни тысяч людей. Как при завоевании Америки у конкистадоров были порох и оружие, неведомые аборигенам, так и здесь. А зачем были эти бомбочки, когда

вскоре после вступления в войну могучего Советского Союза она практически закончилась и Япония была обречена? Да все из-за той же нежной заботы о рядовом Райане, которая так умиляет русско-еврейских умников с ТВ-6. И вот вам результат: за всю Вторую мировую США потеряли 405 тысяч убитыми. Англия тоже берегла своего Райана – 375 тысяч. А Югославия и Польша, допустим, не имели возможности беречься за морским проливом или за океаном, и вот итог: 1 миллион 706 тысяч и 6 миллионов. О нас уж не говорю…

Тодоровский завершает тему, как и следовало ожидать, в духе Бродского и Поженяна: «А у нас, конечно, человеческая жизнь ничего не стоила…» Хоть бы своего погибшего на войне брата постыдился…

Разные судьбы

Многие с увлечением читают книгу А. Паршева «Почему Россия не Америка». Интересная книга, но автор все объясняет суровостью нашего климата и благодатностью американского, а также обширностью России и «компактностью» США. Действительно, это имеет важное значение на начальных этапах экономического развития, но, как пишет в «Голосе коммуниста» № 3 Борис Болтин, сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, «чем дальше это развитие заходит, тем меньше зависимость от природных условий». В самом деле, взять хотя бы различие в размерах территорий. Оно сглаживается ныне благодаря мощным скоростным средствам транспорта и всеохватывающим средствам связи. Б. Болтин обращает внимание на другое. Он напоминает сильно забывчивым, вроде Солженицына, что и до революции Россия сильно отставала от США: даже в 1913-м, самом благодатном году, по объему ВВП на душу населения США превосходили нас в 3,3 раза. А дальше – «ураганы Гражданской и Великой Отечественной войн, уничтожившие треть национального богатства, созданного ценою труда и лишений нескольких поколений». Да, именно так. Только странно, почему, во-первых, не названа еще и Германская война, ураган которой ведь тоже бушевал главным образом не на немецкой земле, а на нашей. Во-вторых, следовало бы подчеркнуть, что после Гражданской войны 1861–1865 годов, весьма «скромной» по сравнению с нашими войнами, то есть вот уже почти 150 лет на земле рядового Райана не разорвался ни один чужой снаряд, не упала ни одна бомба, не говоря уж об оккупации. Следовательно, ни пожаров, ни разрушений, ни жертв. У Америки по ее географическому положению почти всегда была возможность выбирать момент своего вступления в войну, привилегия не спешить с проведением той или иной военной операции, как не спешили они до июня 1944 года с открытием Второго фронта в Европе. У нас же с древнейших времен таких привилегий не было. Русь, Россия почти всегда оказывалась жертвой агрессии: печенеги, половцы, хазары, тевтоны, монголы, поляки. Наполеон, турки и англо-французы, японцы, Вильгельм, Антанта, Гитлер – «все промелькнули перед нами, все побывали тут». И не было времени на раздумья, а часто и на подготовку – надо было немедленно отбиваться. Отсюда и такое чудовищное соотношение людских потерь хотя бы во Второй мировой у них и у нас: 405 тысяч и 28 миллионов. Именно в этих данных самая главная причина, почему Россия не Америка. И именно это не желают знать хакамадистые Немцовы.

Война и без того была страшной…

Ни о чем у нас не любят в День Победы так со смаком побалакать, как о наших неудачах и потерях. Впрочем, это традиция давняя и как бы уже освященная временем, здесь сложилась своя непререкаемая «высокая эстетика потерь». Помните, еще о Гражданской войне была песенка «Орленок» —

Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один…

Как это случилось? Почему? Неважно! Главное, что из всех выжил один.
А потом уже и об Отечественной:

Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят…

В чем дело? Каким образом? Это факт героизма или чьей-то бездарности? Нашего неумения или превосходства врага? Неважно! Главное – что только трое.

Потом пущен был «документальный слух», что из участников войны рождения 1923–1924 годов в живых осталось лишь три процента. Особенно старательны в распространении этой выдумки были три писателя-фронтовика – Юрий Бондарев, Григорий Бакланов и Юлия Друнина. Им, видно, нравилось быть представителями «погибшего поколения». Я одного из них, инициатора байки, спросил, откуда он это взял. «Генералов расспрашивал», – ответил он. Господи, каких генералов! Как звать того генерала, который вел подсчет потерь по возрастам?.. Ведь эту выдумку опровергает простое рассуждение. Если взять участников войны по любому признаку – по возрасту, профессии, да хоть и по цвету волос или глаз – раненых всегда будет в несколько раз больше, чем убитых. Тем более если речь идет не о каком-то конкретном бое, отдельной операции, когда действительно могут, допустим, погибнуть только что прибывшие на фронт новобранцы одного возраста, – речь идет о большой и долгой войне, когда упомянутый закон соотношения убитых и раненых проявляется со всей полнотой и ясностью. А что же мы видим здесь? Получается, что погибли 97 процентов, а раненых и нераненых осталось только 3 процента. То есть все наоборот и притом в чудовищной пропорции. Бакланова мне удалось переубедить. Друнина вскоре умерла. А что думает Бондарев, не знаю… Между прочим, все мы четверо именно этого, будто бы погибшего возраста, как и большинство наших однокашников по Литературному институту, куда мы пришли с фронта осенью 1946 года… Рассказами о потерях нас потчевали и в минувший День Победы: «Из всей дивизии остался один батальон!»… «Из полка уцелел только взвод!»… «Из роты я остался один!»… Не было ни одного погибшего поколения, но была утрата лучших сынов отечества, из-за чего и стала возможна ельцинская контрреволюция…

Конец ознакомительного фрагмента.